

УДК 81'44

DOI 10.18101/978-5-9793-1755-7-293-296

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ МУЖСКОГО ОБРАЗА
ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ
БУРЯТСКОГО, КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

© Дашиева Соелма Цырен-Дашиевна

кандидат филологических наук,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

soelma_d@mail.ru

Рассматриваются фразеологические единицы бурятского, китайского и русского языков, вербализующие внутренние качества лиц мужского пола. Выявлены универсальные и уникальные образы, которые являются не только трансляторами языкового сознания и традиций, но и носителями национального «культурного кода», с помощью которого выражаются менталитет, миропонимание и мировосприятие отдельно взятого этноса.

Ключевые слова: фразеологическая единица, бурятский язык, китайский язык, русский язык, культурный код, национальный характер.

**VERBALIZATION OF MALE IMAGE IN PHRASEOLOGICAL PICTURE OF WORLD
(ON THE BURYAT, CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGES)**

Soelma Ts.-D. Dashieva

Cand. Sci. (Philol.),

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

soelma_d@mail.ru

The article examines the phraseological units of the Buryat, Chinese and Russian languages that verbalize the inner qualities of males. The paper reveals universal and unique images that are not only translators of linguistic consciousness and traditions, but also carriers of the national “cultural code”, through which the mentality, worldview in the whole and worldview of a particular ethnic group are expressed.

Keywords: phraseological unit, Buryat language, Chinese language, Russian language, cultural code, national character.

Человек и его характер являются объектом самого пристального внимания со стороны психологов и лингвистов. Исследуя черты характера и интеллектуальные способности представителей разных народов, необходимо остановиться на таких понятиях, как «национальный характер» и «национальный менталитет».

Мировоззрение, менталитет и, наконец, национальный характер этноличности формируются посредством языка, который является главным орудием культуры. В книге Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова «Язык и культура» [1990, с. 25] верно подмечено, что «человек не рождается ни русским, ни немцем, ни японцем и т. д., а становится им в результате пребывания в соответствующей национальной общности людей...».

Анализ изученного материала показывает, что в сопоставляемых языках можно выделить те внутренние качества, признаки и свойства, которые в сознании носителей рассматриваемых языков являются наиболее существенными и формирующими мужской характер, поступки и поведение лиц мужского пола, их внутренние качества.

В бурятской и русской лингвокультурах достаточно существенными для мужчин оказываются признаки смелости, храбрости, которые формируют образ стойкого, отважного

человека, достаточно ярко противопоставляемого трусливому. Например, бур.: *зоригтой хүниие зол дахаха* (букв. «смелого человека сопровождает удача»); *адуунһаа хүлэг тодорхо, хүбүүдһээ баатар тодорхо* (букв. «скакун выделяется из табуна, богатырь выделяется среди парней») и т. д. Трусость выступает в качестве осуждаемого негативного признака: *дээрэ зүрхэтэй* «трусливый» (букв. «сердце наверху»); *аймхай һаа, арба үхэдэг, баатар һаа, нэгэ үхэдэг* (букв. «трус умирает десять раз, герой — один раз»).

В русском языке признаки трусости и смелости представлены следующими фразеологизмами: рыцарь без страха и упрека; не робкого десятка; лучше биться орлом, чем жить зайцем; на смелого собака лает, а трусливого — кусает; не из храброго десятка и т. д.

Многие бурятские и русские фразеологизмы о храбрости реализуются в военной сфере, где особенно ценится такое качество, как мужество: бур.: *эрын ёһоор тэмсэжэ унаха, эмээлтын шадалаар дабхижа унаха* «погибнуть как мужчина, оседлав коня, преодолеть препятствия»; *һайн эрэ урдаа шархатай, муу эрэ хойноо шархатай* «у храброго мужчины — раны спереди, а у трусливого — сзади»; русск.: русский в поле не сробеет; героем падешь — поднимут, трусом падешь — раздавят; кто смерти не боится, того и пуля сторонится.

В китайском языке фразеологизмы о смелости и мужестве представлены незначительным количеством идиом: *不避斧钺* (букв. «не бегать от боевого топора») — не кланяться под пулями, быть храбрым; *百战百胜* (букв. «сто сражений — сто побед») — непобедимый; *玉可碎而不改其白, 竹可焚而不毁气节* «яшму можно разбить, от этого она не перестанет быть белой, бамбук можно сжечь, от этого не сломаются его коленца». Бамбук для китайцев не просто растение, он является символом прямооты, стойкости и твердости характера.

Благодаря наличию культурно-коннотативных значений и ассоциаций, а именно наименованию растений и животных формируется целостное значение фразеологизма.

В количественном отношении китайские фразеологизмы о смелости и мужественности уступают монгольским, бурятским и русским. Можно предположить, что причина такого явления кроется в сильном влиянии конфуцианской идеологии, которая рассматривала человеческую жизнь как постоянный и вечно незавершенный процесс учения и воспитания. Идеалом конфуцианства должен быть *君子* «цзюньцзы» благородный (праведный) человек.

Влияние конфуцианского учения отразилось во фразеологической картине мира, представляя обществу образ праведного человека: *温文尔雅* «мягкий и образованный» — воспитанный, тактичный; *玉洁冰清* букв. «светлый как яшма, чистый как лед» — великолепные моральные качества. Фразеологизмы китайского языка характеризуются ярко выраженной самобытностью, наличием в их составе уникальных реалий, которые ассоциируются исключительно с историей, культурой и бытом китайского народа [Дашиева, 2011, с. 63]. Наиболее распространенным и излюбленным в китайской культуре является мифический образ дракона. Дракон символизирует императора и власть: *龙眉凤目* «брови дракона, глаза феникса» — так говорят о человеке, у которого представительный вид, широкий дух; об умном талантливом юноше — *龙狗凤雏* «жеребенок дракона и феникса».

В монгольском языковом сознании интеллектуальные способности мужчины акцентированы не менее ярко, чем в китайском. Для мужчин характерно наличие ума, образованности: бур.: *хүлэг туруугаараа илгардаг, хүн эрдэмээрээ илгардаг* (букв. «скакун прославляют копыта, человека возвышают знания»); *гарай хүсэтэй хүн ганса хүниие дишлэхэ, эрдэмэй хүсэтэй хүн мянган хүниие дишлэхэ* (букв. «человеку силой одной руки одолеть

одного врага, а при помощи знаний победить тысячу людей»). Мужчине надобно пройти долгий путь, преодолеть испытания, чтобы стать мудрым: *эрдэни шулуун элэхэ бүри үнгэ ородог, эрэ хүн зобохо бүрээ ухаа ородог юм* «драгоценный камень чем больше стирается, тем более цвет набирает, мужчина чем больше страдает, тем больше ума набирается» [Тагарова, 2006, с.403].

Характерным качеством русского человека, как считают многие, кто занимался изучением русского национального характера, является широта души, доброта и ее проявление к людям любой национальности. Доброта русского народа во всех его слоях проявляется в отсутствии злопамятности: мухи не обидит; кроткий как ягненок; добрый мальчик; душа нараспашку, золотое сердце и т. д. Фразеологизмы о доброте строятся на образах большого, открытого сердца, широкой души, а иногда и — снимет с себя последнюю рубашку.

Национальное своеобразие мировосприятия той или иной этнокультурной общности коренится в образе жизни и психологии народа и находит свое отражение в языке. Так, еще одной характерной чертой русских является трудолюбие: мужик без топора хуже бабы; мужику не покор, что за поясом топор; мужику одна забота, чтобы шла путем работа; хорошему хозяину и день мал; сер мужичок, да сердит на работу и т. д.

В каждом лингвокультурном сообществе обнаруживаются специфические символы лени и трудолюбия, свидетельствующие об особенностях образного мышления. Так, в бурятском и монгольском языках зоонимы *лошадь* и *собака* являются наиболее частотными метафорами: монг.: *морины нуруун дээрээс буух завгүй* (букв. «нет времени слезть с коня»); *морь нохой шиг зутгэх* (букв. «усердствовать как лошадь и собака»). Скотоводам и кочевникам, в жизни которых лошадь занимает особое место, безусловно, и в голову не мог прийти образ занятой пчелки как у русских, занимающихся пчеловодством, или белой, вертящейся в колесе.

Наличие таких этноспецифических символов, в данном случае — *лошадь, собака, пчелка, муравей* — подтверждает основное теоретическое положение культурологии о том, что культура и сформировавшийся на ее основе менталитет способны отражать и воспроизводить культурные традиции разных этнических групп.

Общечеловеческой универсалией является неодобрительное отношение к лени. Некоторые расхождения в образном восприятии мира объясняются культурно-национальной спецификой изучаемой языковой общности. Например, бур.: *залхуу аймхай хоер зоригтой ажалша хоерто хоротой* (букв. «лентяй и трус испытывают злость к храбрцу и труженику»); *залхуу хүн үбшэрхэдэг, залуу хүн хүсэрхэдэг* (букв. «лентяй притворяется больным, юнец хвастается силой»); русск.: лентяя хлебом не корми, только с печи не гони; ленивому Микишке все не до книжки; у лентяя Федорки всегда отговорки и т. д.

Отсутствие фразеологизмов, вербализующих трудолюбие и лень в китайской лингвокультуре объясняется тем, что лень из характера мужчины вообще вычеркивалась, а трудолюбие не ставилось под сомнение и не требовало особой его вербализации.

Сопоставительный анализ фразеологических единиц показал, что в указанных лингвокультурах в основном обнаруживается сходный набор фразеосемантических групп, что говорит об определенной общности восприятия мужчины в разных этнических обществах. Мужчина должен быть умным, сильным, храбрым и трудолюбивым.

Количественная наполняемость групп асимметрична, что можно объяснить различной степенью актуальности той или иной характеристики мужчины в сопоставляемых языках. Например, в монгольском, бурятском и китайском языках превалирует группа, отражающая интеллектуальные способности. Значительное количество бурятских фразеологизмов с компонентом лошадь объясняется принадлежностью к кочевому укладу жизни. Эта

национальная особенность, как мы можем заметить, ярко отразилась в языковой культуре монголоязычных народов.

Характерной чертой русских является трудолюбие, широта души, доброта. Отличительной особенностью фразеологизмов можно отметить наличие имен собственных: Иван, Федот, Микишка. Китайская лингвокультура уникальна природными и зооморфными кодами: дракон, феникс, яшма.

Таким образом, фразеологизмы являются не только трансляторами языкового сознания и традиций, но и носителями национального «культурного кода», с помощью которого выражается менталитет, миропонимание и мировосприятие отдельно взятого этноса.

Литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: метод. руководство. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
2. Дашиева С. Ц.-Д. Фразеологическая вербализация гендера: лингвокультурологический аспект (на материале бурятского, монгольского, русского и китайского языков): дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2011. 172 с.
3. Тагарова Т. Б. Фразеологические единицы в языке бурятской прозы : более 1600 фразеол. единиц: [слов.-справ.] / сост. Т. Б. Тагарова. Иркутск: Ред.-изд. центр ИГУ, 2006. 419 с.